

Дѣло поручика Гартлинга.

(Историческій разсказъ).

1.

Вольшое парусное судно остановилось у пристани. На мостки повалило много пассажировъ, совершившихъ, большею частью, продолжительный переѣздъ. Судно-бригъ „Маргарита“ возвращалось изъ Англии. Это было въ первыхъ числахъ іюля 1800 г. О быстромъ пароходномъ сообщеніи нашего времени тогда не имѣли понятія, но тѣмъ не менѣе парусныя судна ходили довольно исправно, когда бури не мѣшали рейсамъ. „Маргарита“ пришла съ грузомъ каменнаго угля въ Выборгъ, для того чтобы, оставивъ его здѣсь, нагрузиться мѣстными товарами.

Въ числѣ прибывшихъ пассажировъ находился молодой человѣкъ, стройный, широкоплечій, съ добродушнымъ лицомъ, широкимъ носомъ, съ сѣрыми добрыми глазами, съ темно-русскими волосами. Его поношенная одежда иностраннаго покроя свидѣтельствовала объ его стѣсненномъ положеніи. Онъ несъ въ рукахъ котомку, въ которой заключался весь его багажъ. Одѣтъ онъ былъ въ высокіе сапоги и толстую куртку, которую носятъ рыбаки-англичане. На головѣ у него была войлочная шляпа съ большими полями.

Маленькій невзрачный городъ представлялся его глазамъ. Улицы въ немъ были широки и прямы и шли крестъ на крестъ. Къ серединѣ города мѣстность становилась выше, здѣсь разбитъ былъ длинный широкій бульваръ, на площади помѣщались присутственныя мѣста, и высилась сѣрая гранитная кирка.

Быль базарный день, на площадь съѣхались крестьяне изъ сѣднихъ мызъ и деревень, чухонки и чухонцы, съ ихъ маленькими повозками, въ которыхъ они привозили молоко, сливки, сыръ, яйца, масло въ небольшихъ деревянныхъ шайкахъ и овощи. Виднѣлись возы съ дровами, съ муравленой обоженной посудой, съ маленькими некрашеными дугами и рѣшетами. Столовая и чайная посуда мѣстнаго производства, разставленная на столикахъ подъ маленькими палатками, была выкрашена въ красный и черный цвѣта и имѣла угловатая очертанія; видно было, что рука сѣверянина груба и незнакома съ изящными округлыми линиями, какія такъ любятъ художникъ-южанинъ.

Въ маленькомъ дощатомъ сараѣ была устроена кухня и столовая, оттуда валилъ паръ, тамъ слышался шумъ многихъ голосовъ, и туда заходили крестьяне закусить и выпить. По окончаніи торга эта столовая разбиралась и увозилась.

Пріѣзжій,—звали его Николай Гартлингъ,—подошелъ къ одному изъ мѣстныхъ крестьянъ и, посмотрѣвъ на его сытую лошадь и крѣпкую повозку, несмѣло сказалъ ему:

— Сколько ты возьмешь, чтобы доставить меня до Ниппо, это будетъ верстъ шестьдесятъ отсюда?

— Это далеко—отвѣтилъ крестьянинъ,—я долженъ быть къ вечеру дома. Вотъ мой зять можетъ васъ довести, меньше двѣнадцати марокъ взять за такой конецъ нельзя.

— А гдѣ найти мнѣ вашего зятя?—сказалъ помолчавъ молодой человекъ.

— Онъ тамъ, на углу у корчмы, я васъ доведу.

Съ этими словами онъ взялъ подъ уздцы свою лошадь и пошелъ по площади.

Пыль столбомъ стояла въ воздухѣ. Жара не успѣла еще свалить, голубое небо дышало чисто южнымъ непривычнымъ зноемъ.

Крестьянинъ, найдя своего родственника, заговорилъ съ нимъ быстро и торопливо на финскомъ языкѣ, который былъ хорошо извѣстенъ шведу Гартлингу, но, тѣмъ не менѣе, онъ не совсѣмъ ясно понималъ значеніе нѣкоторыхъ словъ.

Крестьянинъ спросилъ пятнадцать марокъ, но уступилъ, и порѣшили на двѣнадцать. Гартлингъ особенно и не торговался. Его нѣсколько пришибленный видъ свидѣтельствовалъ объ его душевномъ разстройствѣ и его, быть можетъ, временной слабости.

Сборы обихъ путниковъ были недолги. Лошадь была напоена, подруги подтянуты, и, немного спустя, повозка направилась по дорогѣ на Иматру.

День уже склонялся къ вечеру. Хлѣбъ дозрѣвалъ въ поляхъ.

Сѣнокосъ только что окончился, и неубранное сѣно въ копнахъ видѣлось около дороги.

Странное впечатлѣніе производила эта молчаливая, пустынная страна. Среди сверкающаго поля попадались огромные красные гранитные камни съ глубокими трещинами. Въ другой разъ, возлѣ самой дороги вдругъ выростала каменная гряда, и можно было видѣть, какъ гранитные пласты тѣснились на другіе гранитные пласты, образуя прихотливыя, необыкновенныя сооруженія.

Густые сосновые и еловые лѣса также были безмолвны. Отъ растопленной солнцемъ смолы, отъ накаленныхъ хвои и листьевъ несся острый характерный запахъ. Раскаленный песокъ мѣстами жегъ ноги. Изрѣдка попадались деревни, маленькія, хмурья, непривѣтливья.

Собранный въ поляхъ булыжникъ раздѣлялъ земельные участки, ограждалъ дома и огороды. Видно было, что это—страна камня и лѣса.

Стояли озера, ясныя, глубокія, съ чистой прозрачной водой, на нихъ плавали иногда дикіе утки и гуси.

Мѣстами попадались такіе пейзажи, которые очаровывали своею дикостью и прелестью.

Солнце спустилось. Путники продолжали ѣхать въ сумеркахъ, но скоро чухонецъ свернулъ на знакомую мельницу. Это было старинное небольшое, низенькое зданіе, стоявшее подъ горою на берегу узкой быстрой рѣчки. Мшистая деревянная плотина преграждала теченіе. Тяжелыя мельничныя колеса вращались съ глухимъ ворчаніемъ и бросали брызги воды и пѣны. Кругомъ мельницы росли раскидистыя сосны, а сама она была окружена кустами бузины и жимолости. Вечеромъ, сверху горы она имѣла что-то таинственное. Въ окнахъ видѣлся свѣтъ.

Путники наши вошли въ комнату, гдѣ находился мельникъ, сѣдой старикъ, его дочь, дѣвушка лѣтъ двадцати пяти, опрятная, проворная финляндка, съ гладко зачесанными спереди и собранными сзади волосами, въ розовой кофточкѣ и черномъ передникѣ.

Кромѣ нихъ на скамейкѣ сидѣлъ полицейскій стражникъ.

Гартлингъ расположился на скамейкѣ, а его возница вступилъ въ разговоръ съ хозяиномъ. Дочь мельника подала на столъ молоко, яйца, масло и нарѣзала нѣсколько ломтей хлѣба.

Полицейскій освѣдомился у возницы, куда онъ везетъ своего путника и зачѣмъ. Тотъ отвѣчалъ, что ѣдетъ изъ Выборга и сѣдока своего не знаетъ, слышалъ только, что земляки видѣли, какъ онъ сошелъ съ прибывшаго въ портъ судна. Этотъ разговоръ велся въ полъ-голоса. Гартлингъ не подозрѣвалъ, что рѣчь идетъ о немъ,

и былъ погруженъ въ свои думы. Онѣ были невеселы. Надъ нимъ разразился одинъ изъ тѣхъ ударовъ, которые оставляютъ неизгладимый слѣдъ на всю жизнь.

Пока Гартлингъ закусывалъ, возница нѣсколько разъ выходилъ изъ комнаты къ своей лошади. Стражникъ, обращаясь къ Гартлингу, спросилъ:

— Куда изволите ѣхать?

— У моего отца имѣнье недалеко отсюда,—отвѣчалъ тотъ,—я возвращаюсь домой.

— А въ Выборгъ вы откуда пріѣхали?

— Въ Выборгъ я пріѣхалъ на суднѣ „Маргарита“ изъ Англій.

Тогда стражникъ спросилъ, по какимъ надобностямъ онъ былъ въ Англій, но Гартлингъ уклонился отъ отвѣта, и вообще любопытство его собесѣдника стало казаться ему назойливымъ и непріятнымъ. Въ томъ разговорѣ, который произошелъ, не было ничего особеннаго, но тѣмъ не менѣе онъ оставилъ въ Гартлингѣ непріятное и даже тягостное впечатлѣніе.

Онъ досадовалъ на себя, зачѣмъ онъ заѣхалъ на мельницу, лучше было бы ѣхать дальше. Такой небольшой конецъ, какъ версть шестьдесятъ, можно было бы сдѣлать, не кормя.

Наконецъ возница объявилъ, что можно ѣхать дальше. Гартлингъ замѣтилъ, что въ комнатѣ уже стражника не было. Они распростились съ мельникомъ и сѣли въ повозку. Когда они отѣхали на нѣкоторое разстояніе, чухонецъ, пускавшій клубы дыма изъ коротенькой трубки, сказалъ:

— Это женихъ Эммы, дочери мельника. Каждый день таскается сюда, послѣ Рождества, говорятъ, свадьба.

Гартлингъ не обратилъ вниманія на его слова.

Темнота сгустилась, засверкали звѣзды и выплыла луна. Ѣхать было очень хорошо. Вся окрестность была залита мягкимъ, нѣжнымъ, ласкающимъ душу свѣтомъ. Глубокая тишина навѣвала грезы. Небо казалось такимъ глубокимъ, безконечнымъ... Какъ мала и ничтожна земля въ сравненіи съ этимъ громаднымъ небеснымъ пространствомъ, которое открывается взорамъ, какъ мелки и ничтожны дѣла людей, всякій слѣдъ которыхъ стирается тотчасъ рукою времени. И зачѣмъ люди такъ безсердечны и жестоки другъ къ другу, зачѣмъ они стараются запутать свою жизнь и усложнить отношенія между собою? И какъ рѣзко отличаются ихъ вкусы и взгляды отъ того, что важно и истинно, и что ему, Гартлингу, такъ понятно. Неужели можно любить чины и ордена, неужели можно посвятить свою жизнь для пріобрѣтенія этихъ знаковъ отличія? Что въ немъ измѣнится, если его будутъ называть не

поручикомъ, какъ теперь, а генераломъ? Станетъ ли онъ отъ этого добрѣе и лучше, чище и умнѣе?

Конечно нѣтъ, но эта мысль, которая приходитъ ему теперь въ голову, называется вольнодумной и строго порицается старшими. И не даромъ товарищи не разъ говорили:— Эй, Гартлингъ, не сносить тебѣ головы.

Луна поднялась выше, поблѣднѣла и уменьшилась. Стало замѣтно холоднѣе. Протяжный, похожій на мяуканье кошки, пронесся крикъ совы, и она, качаясь на огромныхъ мягкихъ крыльяхъ, нѣсколько разъ пролетѣла надъ дорогой. Вотъ показались вдаль строения и высокій шпиль кирки. Повозка подъѣхала къ каменной оградѣ, за которой стоялъ бѣлый одноэтажный высокій домъ съ красной крышей.

Собаки залаяли, калитка отворилась. Гартлингъ вошелъ въ сѣни, и спустя минуту находился въ объятіяхъ своихъ родныхъ, которые совсѣмъ не ожидали его встрѣтить.

За ужиномъ, въ ярко освѣщенной столовой, онъ рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ, но не вполне откровенно.

Онъ былъ отправленъ съ полкомъ въ Англію, откуда вернулся совершенно неожиданно и одинъ. Онъ сообщилъ, что онъ не состоитъ больше на военной службѣ. Эти слова удивили всѣхъ, такъ какъ онъ ничего не писалъ объ этомъ. Но было уже поздно, и надо было расходиться.

2.

Женихъ Эммы на другой день явился къ полицейскому комиссару и между прочимъ донесъ ему, что встрѣтилъ на мельницѣ незнакомаго человѣка, который сообщилъ, что прибылъ изъ-за границы.

Полицейскій комиссаръ, тучный старикъ съ плѣшивой головой, съ крючковатымъ носомъ, съ большими очками въ тяжелой серебряной оправѣ, спросилъ какъ теперь быть. Пришелъ писмоводитель, худощавый молодой человѣкъ, съ сѣрыми зоркими глазами, въ черномъ камзолѣ.

Комната, гдѣ помѣщалось присутствіе въ маленькомъ мѣстечкѣ, не имѣла въ себѣ ничего официальнаго. Мундировъ ни на комъ не было, равно какъ не виднѣлось никакихъ знаковъ отличій,— всѣ были въ партикулярныхъ платьяхъ. Бумаги кипами лежали на столѣ, но въ такомъ порядкѣ, что приходившіе за справками обыватели тотчасъ получали ихъ.

— По существующимъ законамъ необходимо прежде всего

освѣдомиться, съ какимъ онъ прибылъ паспортомъ, сказалъ письмоводитель.

— Это вѣрно,—согласился полицейскій комиссаръ. А если у него нѣтъ никакого паспорта?—сказалъ онъ, подумавъ.

Письмоводитель отвѣтилъ:

— Если онъ дѣйствительно мѣстный уроженецъ, то его здѣсь знаютъ, и паспортъ ему мы можемъ сами выдать, но не иначе, какъ доведя до свѣдѣнія о семъ выборгскаго губернатора господина Ореуса.

— А потому,—рѣшилъ полицейскій комиссаръ,—сегодня же мы отправимъ въ усадьбу стражника и поступимъ сообразно тому отвѣту, который онъ намъ привезетъ.

Стражникъ не замедлилъ вернуться съ отвѣтомъ. Гартлингъ на словахъ объяснилъ, что паспорта у него нѣтъ, но такъ какъ отца его, мѣстнаго фискала, всѣ знаютъ, то свидѣтельства, даннаго стражнику, для того, чтобы не было сомнѣнія въ его личности, совершенно достаточно. Въ свидѣтельствѣ было написано, что земскій фискаль Гартлингъ удостовѣряетъ, что къ нему точно вернулся изъ-за границы сынъ его Николай, служившій въ генераль-маіора Седморацкаго мушкатерскомъ полку, и нынѣ оставившій военную службу.

Если бы Николай Гартлингъ не прибылъ изъ-за границы, то его прїездъ не возбудилъ бы ничьего вниманія, но теперь объ этомъ надлежало донести высшему начальству, что и было сдѣлано мѣстнымъ полицейскимъ управленіемъ. Выборгскаго губернатора Ореуса извѣстили, что потаенно прибылъ изъ-за границы поручикъ Гартлингъ, и при немъ не оказалось никакого паспорта.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого донесенія, изъ Выборга пришелъ приказъ взять Гартлинга подъ стражу, что и было исполнено, а донесеніе о Гартлингѣ своимъ порядкомъ было отправлено изъ Выборга въ Петербургъ.

Б У М А Г И .

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь,

сего августа 10-го числа имѣлъ я долгъ всеподданнѣйше Его Императорскому Величеству представить не менѣе же и вашему высокопревосходительству доносъ о найденномъ въ Сердобскомъ кирхштилѣ въѣхавшемъ туда потаенно изъ-за границы россійскомъ подданномъ, Выборгской губерніи уроженцѣ тамошняго уѣзда земскаго фискала сынѣ Николаѣ Гартлингѣ, который о себѣ объявилъ, что онъ служилъ въ мушкатерскомъ генераль-маіора Седморатскомъ

полку поручикомъ и будучи съ полкомъ въ Англии и исключенъ изъ службы, лишенъ чиновъ и дворянства, каковое показаніе его и по исправкѣ съ высочайшимъ Его Императорскаго Величества приказаніемъ въ 24 день сентября прошлаго 1799 года даннымъ, оказалось справедливымъ. Не имѣя объ немъ, Гартлингъ, никакого предписанія, приѣмлю симъ смѣлость всѣпокорнѣйше просить себѣ отъ вашего высокопревосходительства наставленія, должно ли ему позволить свободное въ сей губерніи пребываніе: ибо хотя онъ яко уроженецъ здѣшній и извѣстенъ, однако я за всѣмъ тѣмъ, по немѣнію у него для такого здѣсь пребыванія паспорта или другого свидѣтельства, усумняюсь самъ собою оное ему позволить и приказалъ его до разрѣшенія содержать подъ карауломъ.

Съ совершеннымъ высокопочтеніемъ и истинною преданностью имѣю честь пребыть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства

всѣпокорнѣйшимъ слугой
Максимъ Ореусъ.

№ 1330
Августа 28 дня
1800-го года
Выборгъ.

Распоряженіе его высокопревосходительства генераль-лейтенанта, генераль-прокурора генераль-провіантъ-мейстера и кавалера Петра Хрисанфовича Обольянинова:

Графу Ливену. № 7940.

Для исполненія даннаго мнѣ Высочайшаго повелѣнія нужно мнѣ имѣть свѣденіе, за какую вину исключенъ изъ службы, лишенъ чиновъ и дворянства служившій въ мушкатерскомъ Седморацкаго полку поручикомъ Гартлингъ. Почему прошу В. С., приказавъ о семъ выправиться, меня увѣдомить незамедлительно. Съ истиннымъ почтеніемъ М. Г. мой вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга.

(подписи нѣтъ).

3-го сентября 1800 г.
№ 16260

Милостивый Государь Петръ Хрисанфовичъ.

Имѣю честь увѣдомить ваше высокопревосходительство, что служившій въ мушкатерскомъ Седморацкаго полку поручикомъ Гартлингъ исключенъ изъ службы прошлаго 1799 года, октября 24 дня съ лишеніемъ чиновъ, дворянства и преломленія шпаги надъ головой за трусость, оказанную имъ въ сраженіи противъ

непріятеля. Пребывая всегда съ истиннымъ и совершеннымъ высокопочитаніемъ Вашего высокопревосходительства, милостивый государь, всѣпокорнѣйшій слуга генераль-адъютантъ Ливень.

Въ Гатчинѣ.

Сентября 4 дня 1800 года.

Его Высокопревосходительству Оболянинову.

(Докладъ Оболянинова).

Выборгскій гражданскій губернаторъ Ореусъ донесъ, что явился къ нему изъ-за границы выѣхавшій изъ Англіи служившій въ мушкатерскомъ Седморацкаго полку поручикомъ Гартлингъ, о которомъ извѣстенъ, будучи онъ изъ службы исключенъ задержалъ его тамо и испрашивалъ разрѣшенія. Ваше Императорское Величество повелѣтъ соизволили справиться, за что онъ исключенъ. По справкѣ съ генераль-адъютантомъ графомъ Ливеномъ нашлось, что онъ исключенъ 799-го года октября 24-го съ лишеніемъ чиновъ, дворянства и преломленіемъ шпаги надъ головой за трусость, оказанную имъ въ сраженіи противъ непріятеля.

Осужденные въ таковой мѣрѣ по уставу и указамъ Петра Перваго не токмо не терпимы ни въ какой службѣ и добромъ обществѣ, но ни въ свидѣтели не допускаются, ни суда имъ во всякихъ личныхъ обидахъ (кромя убивства) не дается, ниже въ компаніи ихъ допускать не велѣно яко шельмованныхъ.

Въ разсужденіи сего гдѣ позволить пребываніе оному Гартлингу испрашиваю Высочайшаго Вашего Величества повелѣнія.

Воинскаго устава 209 артикуль

процессовъ 3 части 2 главы

4 пунктъ.

Генераль-Регламентъ

53 глава.

(Отвѣтъ Оболянинова).

Ореусу № 7982

(О) (вѣроятно, помѣтка)

На всеподданнѣйшій докладъ мой о явившемся изъ-за границы исключенномъ изъ службы поручикѣ Гартлингѣ, о которомъ Ваше Превосходительство отъ 28-го августа ко мнѣ относились, послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе: онаго Гартлинга сослать въ Нерчинскъ въ работу. О исполненіи сей Высочайшей воли сообщая вашему превосходительству, пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ

(подписи нѣтъ).

№ 7982

Гатчино.

Сентября 5 дня.

1800 г.

Статейной списокъ

Отправленному изъ выборгскаго въ Санктъ-петербургское губернскаго правленіе для дальняго препровожденія въ Нерчинскъ въ работу.

Прежнее званіе.	Имя.	За какія вины.	Примѣты.
Исключенный изъ службы поручикъ.	Гартлинъ.	За какія вины въ присланномъ объ немъ повелѣніи не значится.	Ростомъ 2-хъ аршинъ 5 вершковъ, лицомъ смугль и щедроватъ, носъ широковатъ, глаза сѣрые, волосы на головѣ и на бровяхъ темно-русые, отроду 27-й годъ.

Максимъ Ореусъ.
 Совѣтникъ Иванъ Гусевъ.
 Совѣтникъ Карлъ Янсонъ.
 Секретарь К. Брз.

Маркъ Басанинъ.

